

А. О. Кубасова

**ЗООМЕТАФОРА В ФУНКЦИИ ЛАСКОВОГО ОБРАЩЕНИЯ
В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Работа представлена кафедрой романской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.*

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Т. А. Репина

Предмет изучения составляют зоометафоры румынского языка, в которых наименования животных используются с целью ласкового обращения к человеку. Анализируются случаи семан-

тического согласования характеристики человека и определенных черт животного; представлены с соответствующими иллюстрациями лексемы, не зафиксированные словарями в данной прагматической функции.

Ключевые слова: румынский язык, вокатив, зоометафора ласкового обращения, семантическое согласование, эмоциональная оценка.

The article considers Romanian zoometaphors in which animals are used with the purpose of endearing address to a person. Cases of semantic agreement of human characterization and certain animal features are analyzed; words used in this pragmatic function which are not included in dictionaries are presented with corresponding illustrations.

Key words: Romanian language, vocative, zoometaphor of endearing address, semantic agreement, emotional estimation.

Одной из функциональных зон анималистической метафоры в румынском языке, как и во многих других языках, является использование наименований животных при обращении к человеку с целью выразить испытываемые к нему со стороны говорящего чувства любви, нежности, доброго расположения (ср. рус: голубка, зайчик и т. п.).

Самым распространенным зооморфизмом данной группы слов в румынской анималистической лексике является **pui** *птенец, цыпленок* - слово, которое принимает в речи разные формы: **puiule**, **puico** - вокатив без суффикса; **piușorule**, **puicuțo** - вокатив с предшествующим окончанию уменьшительным суффиксом; исходную форму слова без артикля: **puișor!** **puică!** или используется в сопровождении притяжательного прилагательного: **puișorul meu** и т. п. Зооморфизм **pui** отмечен в качестве ласкового обращения словарями, в том числе румынско-русскими; по их данным он встречается 1) при обращении к ребенку: *малютка, крошка*, **puiul mamei** *моя крошка*; 2) при обращении к любимому: *душка, милашка*, (*пор.*): **puiul meu drag!** *любимый мой!*; **puiule** *душа моя*. В нашем материале этот зооморфизм представлен наибольшим числом примеров, которые позволяют дополнить данные словарей некоторыми наблюдениями.

Зооморфизм **pui** в виде обращения (**puiule**) может содержать элемент снисхож-

дения: - *Se mai faci, puiule?*¹ '- Как дела, *детка* (*букв, цыпленочек*)?' - спрашивает начальник тюрьмы при обходе камер у заключенного, желая показать ему свое доброе отношение как к одному из вверенных его заботам «детей»; фамильярности: - *Ascultă, puiule, asta-i masa noastră. Tu te-ai a?ezat la ea*² '- Слушай, *детка* (*букв, цыпленочек*), это наш стол. А ты уселся за него', - замечает один из сверстников другому, не входящему в его компанию постоянных посетителей кафе. Обращение **pui(ule)**, подобно русским *Дорогой! Детка!* и т. п., адресованное незнакомому человеку, может быть воспринято как неоправданно фамильярное и вызвать отрицательную реакцию, как это видно из следующего примера: Л../³ *familiaritatea lipicioasa* [ă acestui individ]: «**Puiule**» il indispunea ca tonul prietenos al *chelnerilor* de la birturile de periferie⁴ '- /.../ *слащавая* (*букв, липкая*) *фамильярность* [этого субъекта]: «**Детка! (Дорогой!)**» была ему неприятна, она напоминала ему дружеское обращение *официантов* в трактире где-нибудь на периферии'. Речевые реализации зооморфизма **pui** в функции ласкового (а нередко и наигранно ласкового) обращения настолько разнообразны, что они могли бы в дальнейшем составить предмет самостоятельного стилистического исследования.

Среди видовых наименований животных словарями зафиксированы в их переносных значениях лишь некоторые, в част-

ности: **ponimbiță** (rogumbițo, rogumbifa mea) голубка - при обращении к любимой девушке (женщине), в нашем материале также отца (дедушки) к дочке (внучке), мужа к жене. Ср.: - Се vrei tu, **porumbițo!**... - Что тебе самой хочется, **дорогая** (букв, голубка)!... - отвечает на вопрос жены о том, что приготовить на обед, ее муж; и **broscoi** лягушонок (с пометой *шутл. I glutet*) - шутливое название малыша, например: - Mai **broscoiule**, să nu mai plângi⁶ - Ну, **сыночек** (букв, лягушонок), перестань плакать' - успокаивает мать сына.

Из отмеченных в словарях зооморфизмов можно назвать также **mânz** (вокатив: mânzule), который интерпретируется составителями словарей как *ребенок, мальчуган, юноша резвый, полный живости*. Изученный нами материал показал, что в этом значении (**zburdabiic са ил mânz резвый, игривый, шаловливый, как жеребенок**) данная лексема используется главным образом в сравнениях. Что же касается метафорического употребления (в форме вокатива), то она реализуется преимущественно в другом значении, а именно: **mânz(ule)** передает неопытность адресата речи как следствие его молодости. Ср.: -/.../ altadata... Ehe... Се știi tu, **manzule...**⁷ -/.../ (а вот) раньше... Охо-хо... Что ты знаешь, **жеребеночек...** -; - Taci, ma **manzule...** Să nu te legi de stramosi /.../⁸ - Молчи, **жеребеночек...** Не суди о делах предков /.../'; - Esti vanator tanar, **manzule** /.../⁹ - Ты [еще] молодой охотник, **жеребеночек** /.../'. Во всех трех приведенных и им подобных случаях актуализируется именно эта сема. Такие примеры многочисленны.

Помимо зооморфизмов, нашедших отражение в словарях, в изученном нами материале встретилось значительное число других слов ласкового обращения, такие, например, как **îndunică** ласточка: - Tată, mama a ieșit? Se întoarce repede? - Repede, **îndunico**, repede¹⁰, - Папа, а мама [куда-то] ушла? Она скоро вернется? - Скоро, **дорогая** (букв, ласточка), скоро' - отвечает доч-

ке, ласково глядя ее по головке, отец; **vrăbiu**(ă *воробушек*: Soarele meu! **Vrăbiuta** mea!" 'Солнышко мое! **Воробушек** мой!' - ласковое обращение к новорожденному или ребенку от года до двух лет. При обращении к ребенку постарше можно встретить зоометафоры-вокативы: **iepurasule** зайчонок и даже **gândăcelule** жучок: - Asa, măi **gândăcelule**, iasa, ajungem...¹² - Да, **мальш** (букв, жучок), вот мы и пришли...' - говорит дедушка внуку.

В лексическом составе зоометафор, использующихся в качестве ласкового обращения в румынском языке, представлены наименования таких животных, образ которых вызывает у человека *положительную эмоциональную оценку* (наименования детской: ruî, mânz, broscoi и т. п.), или те, которые производят положительное эмоциональное воздействие благодаря присутствию *уменьшительных суффиксов* (**vrăbie** воробей -> **vrăbiuță** воробушек; **gândac** жук -> **gândăcel** жучок; **iepure** заяц -> **iepuras** зайчик и др.). Известный румынский ученый Йоргу Йордан, приводя в качестве ласкательных апеллятивов **măgarus** (от **măgar** осел) и **purcelus** (от **porc** свинья -> **purcel** поросенок), в основном значении которых содержится негативный оттенок, отмечает, что благодаря уменьшительному суффиксу (в **purcelus** их даже два) данные лексемы приобретают эмоциональную оценку положительного свойства, которая нейтрализует присущую их основному значению негативность¹³.

В связи с изучением зоометафор ласкательного обращения и в свете семантико-прагматической направленности проводимого нами исследования в целом, нас заинтересовал вопрос о том, связан ли выбор той или иной лексемы с ее конкретной семантикой. Анализ материала под этим углом зрения привел нас к положительному ответу на данный вопрос.

Выбор зооморфизма в целях ласкового обращения производится носителем румынского языка интуитивно, но за ним

чаще всего скрывается внутреннее (глубинное) *семантическое согласование*¹⁴ характеристики человека и определенных черт животного. Это видно на рассмотренном выше примере использования апеллятива **mânzule** *жеребеночек*, где выбор именно этого зооморфизма подсказан молодостью и неопытностью юношей, участвующих в ситуациях речевого общения взрослых. Можно предположить наличие семантической связи и между выбором зооморфизма **vrăbiuță** *воробушек* и характеристикой новорожденного или малыша первых двух лет жизни, когда ребенок наиболее незащищен перед окружающим его миром.

Внутренняя семантическая мотивированность выбора лексемы ласкового обращения просматривается и в следующем примере, описывающем ситуацию возвращения человека в родное село после долгого отсутствия: Cândsosi Petre/.../toî' seuitaulung la el, mai ales *cei mici*, pentru care era pe jumătate străin. Iar el trecea grăbit de la unul la altul: «Cefaci tu, urătule!... Dar tu, **mielule?**... Dar tu, **purcelușule?**/.../cum au crescut ei!...»⁵ 'Когда пришел Петре /.../ все взоры обратились к нему, особенно *малышей*, для которых он был наполовину чужим. Он быстро переходил от одного из них к другому: «Как дела, безобразник!... А у тебя, ягнечок? ... А у тебя, поросеночек? /.../какони выросли!...». Вероятнее всего, выбор говорящего в одном случае зооморфизма **mielule** *ягнечок*, а в другом - **purcelușule** *поросеночек* связан с внешним видом малышей: одного он ласково называет так из-за его робкого вида, другого - из-за того, что тот где-то испачкался (в сравнениях часто встречается сочетание: **murdar** са **un purcel** *грязный, как поросенок*).

Еще более наглядна внутренняя семантическая связь между выбором зооморфизма и чертами, присущими самому человеку, которому адресован апеллятив, в следующих примерах: - Unde-i Sabina? /.../- E sus. A ră^it ceva. Fug ton^ trei la etaj /.../- Ce-ai răpt, **căprita?** - O entorsă, tăticule. Epsilon ^ingăibeneste. O entorsă la un picior

balerin e curată nenocire¹⁶, - Где Сабина? /.../- Она наверху. Что-то с ней случилось. Все трое бегут на второй этаж /.../- Что с тобой, **козочка?**-Вывих, папочка. Эпсилон побелел. *Вывих ноги для балерины* - настоящая беда'; Mincă Arăpaș străbătuse ulița cu mireasa *cocoțată pe umărul lui lat*, intrase cu ea în ogradă și numai după ce ajunsese în prag, la uscătură, îi spusese: - **Sari! Sari, căprito!**...¹⁷ 'Минкэ Арэпаш пересек улицу, неся невесту, *ухватившуюся за его широкие плечи*, вошел в ограду (во двор) и только после того, как дошел до порога, где было сухо, сказал ей: - *Прыгай, прыгай, козочка!*'. В основе ласкового обращения к девушке **căprită** (căprî{o) *козочка* лежит образ козы - **capră**. В семантической структуре слова **capră** присутствует сема «способность к прыжкам». Та же сема характеризует и оба контекста, в которых в виде ласкового обращения употреблен вокатив **căprito (-a)**: в первом примере говорящий называет ласково при помощи этого зооморфизма дочь - балерину, профессиональная деятельность которой связана с танцем и, следовательно, предполагает способность к прыжкам, а во втором - жених, переносивший невесту на сухое место, просит ее прыгать, называя ее при этом ласково козочкой.

Во всех рассмотренных случаях выбор зоометафоры определяется общностью семы, характеризующей животное и человека, на которого переносится наименование животного в качестве ласкового обращения, а именно:

Căprija - способность передвигаться скачками;

Mânz - молодость, неопытность;

Miel - робость, покорность;

Purceluș - нечистоплотность;

Vrăbiuță - незащищенность.

Таким образом, представленные в статье наблюдения свидетельствуют о том, что за интуитивностью выбора носителем румынского языка зоолексемы ласкового обращения скрывается внутреннее (глубинное) *семантическое согласование* компонентов (человек - животное), образующих зоометафору.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Novicov M.* Nașterea cantecului. București: Ed. Tineretului, [1964]. P. 234.
- ² *Serbanescu M.* O fata din cele multe. București: ESPLA, [1958]. P. 338.
- ³ Многоточие, заключенное в косые скобки, - /.../ - означает то, что сокращение текста произведено автором статьи, при отсутствии скобок многоточие принадлежит автору цитируемого художественного произведения.
- ⁴ *Petrescu Cezar.* Întunecare. București: Ed. Minerva, 1976. P. 498.
- ⁵ *Rebreanu L.* Romane. Jar. Gorila. Amandoi. Calvarul. București: Ed. Cartea Rom., 1986. Vol. III. P. 270.
- ⁶ *Teodoreanu I.* La medeleni. București: Ed. Minerva, 1978. Vol. I. P. 95.
- ⁷ *Mutașcu D.* Vara și iarna. București: Ed. Milit., 1980. P. 164.
- ⁸ *Voiculescu V.* Capul de zimbri. București: Ed. Cartea Rom., 1982. P. 212.
- ⁹ *Sadoveanu M.* Frații Jderi. Ucenicia lui Ionuț. 1935. București: Ed. Milit., 1988. Vol. I. P. 45.
- ¹⁰ *Demetrius L.* Teatru. București: Ed. pentru Lit., 1964. P. 121.
- ¹¹ <http://www.tiuk.recea.net/9/gheorghe.html>
- ¹² *Sadoveanu M.* Județul al sarmanilor. București: Ed. Tineretului, [1962]. P. 65.
- ¹³ *Iordan I.* Stilistica limbii romane. București: Institutul de Lingvistica Romana, 1944. P. 188-189.
- ¹⁴ О законе семантического согласования, т. е. об обязательном наличии общей семы в двух и более компонентах словосочетания, см.: *Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М.: Наука, 1972. С. 380.
- ¹⁵ *Bassarabescu I. A.* Lume de ieri. București: ESPLA, [1958]. P. 160.
- ¹⁶ *Simion P.* Amfora Sabina. București: Ed. Ion Creanga, [1970]. P. 128-129.
- ¹⁷ *Stancu Z.* Padurea nebuna. București: Ed. pentru Lit., 1963. P. 273.